

Чжоу Дафэй прекрасно помнил, что всё ещё демонстративно дулся на Пэй Яня, да и настроение у него изначально было препаршивое.

— Подвинься, пожалуйста, — Чжоу Дафэй снова уставился на экран. — Ты загораживаешь мне фильм.

К удивлению Чжоу Дафэя, Пэй Янь вовсе не разозлился, застав его за просмотром картины Ся Жусэня в собственном кинозале. В поведении мужчины не осталось и следа от той ярости бешеного пса, которую он демонстрировал днём.

Пэй Янь промолчал. Он спокойно обошёл Чжоу Дафэя со спины, опустился в глубокое кожаное кресло и небрежно вытянул свои длинные ноги по обе стороны от парня. Кажется, он вознамерился досмотреть картину вместе с ним.

Пьер де Кубертен утверждал, что спорт — это мир. Чжоу Дафэй считал, что кинематограф обладает той же силой.

Шли минуты, но Пэй Янь хранил молчание. Решив не отставать, Чжоу Дафэй тоже прикусил язык: сначала нужно было досмотреть картину.

Так они и сидели в полумраке — один чуть выше другого — до самых финальных титров картины Ся Жусэня. Просторный зал тонул во тьме; лишь луч проектора, бывший откуда-то сверху, озарял полотно экрана, не оставляя зрителям ни единой крупницы света.

По экрану поплыли имена создателей. Большинство зрителей на этом моменте выключают фильм или покидают зал, но Чжоу Дафэй из глубокого уважения к чужому труду досмотрел титры до конца без малейшей тени нетерпения.

Бесконечная вереница строчек наконец иссякла, уступив место лаконичной, но весомой надписи: «Режиссёр Ся Жусэнь».

Чуть ниже виднелась приписка более мелким шрифтом: «Фильм-лауреат 27-й премии „Серебряное облако“ за лучшую режиссуру».

Чжоу Дафэй невольно сделал глубокий вдох.

— Из всего «Декалога» какая часть тебе ближе? — неожиданно раздался над его головой голос Пэй Яня.

Картина закончилась. Из проектора теперь лился ровный, безжизненный белый свет.

Чжоу Дафэй резко обернулся. Не веря своим ушам, он поднял глаза и натолкнулся на

спокойный, изучающий взгляд Пэй Яня, смотревшего на него сверху вниз.

Пэй Янь спросил именно о «части», а не о «заповеди» — значит, имел в виду не библейские тексты, а знаменитый польский телецикл. А ещё это доказывало: Пэй Янь прекрасно понял, что Дафэй грезит вовсе не тем «Декалогом», о котором разглагольствовал Ся Жусэнь.

Кесьлёвский. Режиссёр, который сам написал и снял десять притч, поместив своих героев в нечеловеческие условия морального выбора, чтобы бросить вызов божественным заповедям и препарировать вечные вопросы человеческой природы.

Духовное родство в искусстве — высшая ступень близости, способная мгновенно стереть любые обиды. Забыв о недавней ссоре, Чжоу Дафэй шевельнул губами и тихо ответил:

— Первая.

— Первая, — задумчиво повторил Пэй Янь. — Смерть Павла... Тяжело было это принять?

— Да, — Чжоу Дафэй судорожно вздохнул, его плечи мелко задрожали. — Я до сих пор помню это чувство. Когда на экране всё произошло, мне показалось, будто у меня из груди заживо вырвали кусок сердца.

— Ты задумывался, почему этот сюжет вызвал у тебя столь сильный отклик? — спросил Пэй Янь совершенно ровным тоном. — В основе первой новеллы лежит классическое противостояние науки и веры. Ты наверняка видел множество произведений на эту тему — в кино, литературе или театре, и среди них наверняка были вещи куда более тонкие и сложные.

Но Чжоу Дафэй всё ещё пребывал в оцепенении от того, насколько глубоко Пэй Янь знаком с картиной. Мысли в его голове путались.

Шедевр Кесьлёвского по праву считается вехой в истории кинематографа. То, что Пэй Янь смотрел его, не удивляло Чжоу Дафэя — он не сомневался, что и Ся Жусэнь знаком с этой работой. Вот только Ся Жусэнь явно не питал к ней особого трепета. Пэй Янь же мало того что помнил тончайшие детали, так ещё и каким-то образом разгадал, что именно эта картина — фаворит Чжоу Дафэя.

Величие Кесьлёвского измерялось не только совершенством драматургии. Его картины были пронизаны редким даром — глубоким пониманием человеческой сути, вниманием к обществу и, главное, искренним состраданием.

Чжоу Дафэй всегда верил: чтобы по-настоящему прочувствовать такое кино, нужно самому обладать милосердной, чуткой душой.

Но Пэй Янь был бесконечно далёк от этого образа. Пусть когда-то его и считали юным гением,

на которого возлагали огромные надежды, в глубине души он оставался дельцом, безропотно склонившим голову перед властью денег и славы.

— Что такое? — Пэй Янь читал чужие эмоции как открытую книгу. Он сидел против света и слегка приподнял бровь. — Удивлён, что такой приземлённый коммерческий режиссёр, как я, знаком с творчеством Кесьлёвского?

— Вовсе нет, — покачал головой Чжоу Дафэй.

— Вовсе нет? — Пэй Янь усмехнулся — то ли с горькой самоиронией, то ли над наивностью собеседника. — Из всего, что ты мне когда-либо говорил, хоть слово было правдой?

— Кое-что было, — Чжоу Дафэй внезапно решил быть до конца честным.

— Вот как?

Темнота избавляет от робости и развязывает язык. Чжоу Дафэй откашлялся и, прямо глядя на Пэй Яня, серьёзно произнёс:

— Когда я тебя проклинал — это было от чистого сердца.

—...

Его слова возымели мгновенный эффект. Пэй Янь сидел гораздо выше, и тянуться руками к шее парня было неудобно. Вместо этого он просто поднял правую ногу и тяжело опустил её на левое плечо Чжоу Дафэя:

— А ну повтори.

Нога рослого взрослого мужчины весила порядочно. Плечо Чжоу Дафэя дрогнуло под этим весом, лишая его возможности подняться с пола. Пэй Янь находился совсем близко, но смотрел на него свысока — высокомерно, придавив к земле и не давая пошевелиться.

И тут Чжоу Дафэй отчётливо осознал одну вещь.

Пусть Пэй Янь и прослыл самым циничным дельцом во вселенной, он обладал всем, о чём Чжоу Дафэй мог только мечтать: статусом, неограниченными ресурсами, абсолютной творческой свободой и, что самое невыносимое, безупречным вкусом и талантом к созданию кино.

Чжоу Дафэй упрямо сжал губы. Он слегка приобнял ногу Пэй Яня и послушно повторил:

— Когда я тебя проклинал — это было чистой правдой.

—...

Мышцы на ноге Пэй Яня напряглись. Он уже собирался резко убрать ногу и пинком отправить наглеца в другой конец зала, как вдруг Чжоу Дафэй перехватил его за колено, прижался щекой к его бедру и, вскинув голову, тихо добавил:

— Но когда я тебя целовал — это тоже было по-настоящему.

—...

Закончив свою тираду, Чжоу Дафэй невинно затрепетал ресницами и поудобнее устроил голову на его коленях.

Из такого положения Пэй Яню было неудобно ни ударить его, ни оттолкнуть. Он лишь закатил глаза:

— И почему же ты сейчас меня не целуешь?

— Не хочу, — отозвался Чжоу Дафэй.

—...

— Ты хватал меня за волосы и прикладывал головой о дверцу машины, — принялся перечислять свои обиды Чжоу Дафэй, напустив на себя максимально серьёзный вид. — А до этого держал под замком.

—...

— Заставлял пить на брудершафт с каким-то извращенцем. Запрещал Шэнь Цзую со мной разговаривать.

— И даже дерево срубил.

—...

Чжоу Дафэй немного поёрзал, устраиваясь поудобнее, и укоризненно посмотрел на него снизу вверх:

— Совершенно не заботишься об экологии.

—...

Всё ещё злясь, Пэй Янь как-то неловко коснулся кончика своего носа.

«Когда творишь подобное, как-то не забиваешь голову, но со стороны это звучит дико».

— Хватит нести чушь, — Пэй Янь попытался высвободить ногу и раздражённо буркнул: — Вставай давай.

Но Чжоу Дафэй лишь крепче вцепился в него:

— Не встану.

— Поднимайся, я сказал!

— И не подумаю!

—...

Он сидел на полу и цеплялся за Пэй Яня мёртвой хваткой, напоминая упрямого дворового щенка.

— Да встань ты уже, — выдавил Пэй Янь, отводя глаза. — Обещаю, это было в последний раз.

Чжоу Дафэй капризно прикусил губу:

— Учитель, мне можно будет завтра на площадке снова сидеть рядом с тобой?

Это предложение застало Пэй Яня врасплох. Он с подозрением уставился на парня:

— Сегодня ты, кажется, особой радости по этому поводу не испытывал.

— Потому что сегодня ты заставил меня просто сидеть истуканом и пальцем о палец не ударил, чтобы чему-то научить, — Чжоу Дафэй пододвинулся ближе. — Даже режиссёр Ся разрешал мне наблюдать за съёмками. Я зря, что ли, зову тебя своим учителем?

—...

Пэй Янь молча разглядывал его секунд десять, после чего сам протянул руки, рывком поднял с пола и прижал к себе.

Чжоу Дафэй не стал сопротивляться. Кресло в кинозале было огромным и глубоким. Он устроился прямо на коленях у Пэй Яня, обхватив его за плечи руками и лениво покачивая свободной ногой.

Просьбу Чжоу Дафэя Пэй Янь проигнорировал — ни согласия, ни отказа. Вместо этого он спросил:

— Почему именно Кесслёвский?

Между ними словно сама собой возникла негласная, хрупкая связь. Они могли быть кем угодно: враждующими учителем и учеником, властным покровителем и строптивой птичкой в золотой клетке, заклятыми врагами, распускающими руки, или хитрыми охотниками, ведущими двойную игру. Но искусство стирало все эти социальные роли, позволяя им сидеть вот так — спокойно, словно они были давно потерянными родными душами.

— Мне нравится, как он препарирует теневые стороны человеческой души, — Чжоу Дафэй перестал капризничать и упрямиться. Он слегка приподнял подбородок; в его голосе зазвучала тихая, благоговейная гордость исследователя. — То, что принято называть пороком или аморальным поведением.

— В его взгляде нет высокомерия или праведного суда. Он лишь беспристрастно показывает, почему человек оступился, как на него повлияли обстоятельства и личные трагедии. И за этой чернотой всегда проступает едва уловимый, но такой логичный свет — искры добра, которые причудливо, пугающе и в то же время невероятно честно переплетаются со злом в критический момент.

— За каждым его кадром чувствуется абсолютное равенство перед судьбой, глубокое милосердие к человеку и беспощадный допрос самого общества.

Свет от проектора ослепительно резал глаза. Чжоу Дафэй не мог этого видеть, но взгляд Пэй Яня на мгновение остекленел.

Спустя долгую паузу Пэй Янь негромко спросил:

— И каким же человеком в таком случае видишь меня ты?

— Если честно, — Чжоу Дафэй негромко усмехнулся и поудобнее привалился к его груди, — ты кажешься мне на редкость банальным персонажем.

— Все твои достоинства плоские, как картонные декорации, а вот недостатки —

монументальные и абсолютные.

— В тебе нет и намёка на то благородное свечение души, что рождается в муках выбора.

—...

Ругань руганью, но эту ночь Чжоу Дафэй провел в объятиях Пэй Яня.

Они переспали прямо там, в кинозале, залитом безликим белым светом. Их сплетённые силуэты отбрасывали на огромный экран гигантские, рваные тени, похожие на порывы ветра над бескрайней пустошью — яростные, неуловимые и полные скрытого хаоса.

После всего Чжоу Дафэй принял душ, добрался до постели и почти мгновенно заснул крепким сном.

Пэй Янь же, дождавшись, пока парень уснёт, снова прокрался в кладовую и принялся без зазрения совести перебирать чужие наброски и раскадровки. Только теперь он заметил, что среди исписанных листов лежало потрёпанное издание сценариев к «Декалогу».

Ночью его никто не торопил. Пэй Янь долго вчитывался в неровный почерк Чжоу Дафэя: то едва заметно улыбался своим мыслям, то скептически качал головой.

Напоследок он закурил и ещё долго стоял на террасе, подставляя лицо прохладному ночному ветру.

Утром Чжоу Дафэй проснулся от звонка будильника. Сладко потянувшись, он обнаружил, что постель рядом с ним давно остыла.

Спустившись на первый этаж, он не нашёл Пэй Яня и в столовой, зато со двора доносился знакомый гул заведённого внедорожника.

На душе у Чжоу Дафэя мгновенно заскребли кошки.

«Чёрт. Неужели вчера я перегнул палку и всё испортил?»

Кое-как проглотив пару ложек каши, он решил добираться до съёмочной площадки своим ходом, на автобусе. Однако машина во дворе, вопреки его опасениям, трогаться не спешила.

Наскоро расправившись с завтраком, Чжоу Дафэй вышел на улицу. Внедорожник по-прежнему

стоял на месте. Помявшись, парень осторожно потянул за ручку двери и увидел за рулём Пэй Яня.

— Чего застыл? Садись, — раздражённо бросил тот.

— А... хорошо, — Чжоу Дафэй окончательно запутался.

Стоило дверце захлопнуться, как Пэй Янь протянул к нему ладонь. Решив, что на мужчину внезапно напал приступ нежности, Чжоу Дафэй доверчиво вложил свои пальцы в его руку.

В то же мгновение он почувствовал, как в его ладонь опустился какой-то мелкий предмет.

Пэй Янь тут же убрал руку. Разомкнув пальцы, Чжоу Дафэй увидел небольшую круглую деталь. Пуговица необычной формы — та самая, которую он вчера потерял.

—...

Чжоу Дафэй уставился на него, не зная, что сказать.

Пэй Янь упорно смотрел перед собой на дорогу, лишь мельком скользнув взглядом по его руке:

— Держи. Считаю это демонстрацией моего душевного благородства.

—...

<http://bllate.org/book/19003/1951502>